

ЗА КАДРОМ ФИЛЬМА

КОГДА ГЕРОИ НЕ ВЫДУМАНЫ

ПОСЛЕ КАЖДОГО фильма режиссер получает письма от зрителей. Но есть среди них особенно дорогие письма. За каждым — человеческие судьбы такой силы и красоты, что жаль, когда о них не знают зрители, читатели.

Вот передо мною письмо, полученное недавно: «...Вчера возвратилась я из Витебска. Там провела по телевидению встречу через 30 лет. Нашла я Глушакову Валю — 71303. У нее в Витебской области мать — старушка, отец — 77 лет, три сестры, два брата. Все дети с матерью были узниками Майданека. После войны она их нашла в разных концах страны, а сейчас вот только что младшая, Валя, нашлась... Очень хочу встретиться с Тадеушем Шиманьским, поговорить о розыске детей. Он придет на премьеру в Минск? Ждем сообщения об этом. Мы с Зиной встретим вас...».

Я кладу письмо в папку «Переписка с Н. Т. Цветковой». Много ее писем накопилось за десять лет, иные уже тронуты желтизной. Кто она, эта неутомимая и добрая женщина?

Надежде Тимофеевне 65 лет. Она не журналистка, хотя и написала книгу воспоминаний «900 дней в фашистских застенках». Муж ее — бывший работник Минского горкома партии и подпольщик — был арестован и находился в минской тюрьме, гестапо. Вскоре привезли туда и Надежду Тимофеевну. Мужа расстреляли, а его окровавленную одежду бросили Надежде в камеру: «Постирай!». Чем измерить изуверства фашистов?.. Вскоре отправили ее в Освенцим. Безмерные страдания длились более года. При эвакуации лагеря в Германию Цветкова бежала, сломала ногу и нашла приют у отважной польской крестьянки Анны Кочар. После войны вернулась в разрушенный Минск, нашла дочерей (одну спасли жители, другая вернулась из фашистской неволи), стала объединять женщин — бывших узниц, чтобы искать детей, разлученных в концлагере с матерями.

В результате многолетних поисков, контакта с сотрудником Государственного музея в Освенциме Тадеушем Шиманьским был найден и сын ее подруги Зинаиды Григорьевны Муравьевой — Гена, ставший гражданином ПНР, Эугениушем Груциньским. История эта была положена в основу фильма «Помни имя свое».

КАК РЕЖИССЕР, я не жалел никогда, что обратился к образам реальных людей, исследованию истинных событий, к попыткам их образного осмысления в экранных искусствах — кино и телевидении.

Документальная повесть двух писателей, участников войны — Овидия Горчакова и Януша Пшимановского «Вызываем огонь на себя» глубоко взволновала меня необычными судьбами реальных людей, деятельностью интернациональной подпольной группы. С первых шагов нашей работы над фильмом по мотивам этой повести в различные организации стали приходить письма с требованием «не допустить прославления недостойных». Когда мы впер-

Сергей КОЛОСОВ,
заслуженный деятель
искусств РСФСР

□ □

вые приехали в Сещу, где бо-ролись и погибали герои под-польной группы, некоторые ста-рожицы смотрели на нас с осуждением: «Ходили тут они в обнимочку с немцами, пели, гуляли — это мы видели. А что на базу наши самолеты наво-дили, да ихние самолеты взры-вали — они это или не они. этого мы не знаем...». Жесто-кое это дело — разведка, под-полье, драматичное. Вслед за авторами повести пришлось и нам, кинематографистам, скру-пулезно исследовать все об-стоятельства, а когда надо, и бороться за правду. Трудности усугублялись тем, что руково-дители группы Константин Поваров, Ян Маньковский, Аня Морозова погибли. Но мы изучали их жизнь...

...Аня Морозова. После окон-чания восьми классов была бухгалтером авиабазы Красной Армии. В подполье работала под руководством лейтенанта Константина Поварова, а после его трагической гибели возгла-вила группу. Тогда ей был два-дцать один год... Откуда брала она силы? Ведь постоянное, изнурительное напряжение длилось до сентября сорок третьего года: добытые развед-данных для передачи на «боль-шую землю», связь с членами группы — советскими, польски-ми, чешскими, конспиративные встречи с представителями ар-мейской и партизанской разве-док, выходы для получения ин-структажа в партизанский лес, доставка магнитных мин, за-бота о родителях и малолет-них сестренках, служба пра-чкой на фашистской авиабазе...

Каким же образом Аня смо-гла все это? Ответ не мог быть однозначным. Мы пытались дать его в фильме. Великое чув-ство любви к Родине было глав-ным источником подвигов...

...Войну Аня продолжила в разведгруппе, действовавшей в Восточной Пруссии и Польше. Мы идем по полям вблизи поль-ской деревни Гродзано, что в 140 километрах севернее Вар-шавы, и бывший польский пар-тизан, оставшийся в живых товарищ Ани, показывает: здесь дом окружили эсэсовцы... здесь, истекая кровью, переплы-ла она зимнюю речку... здесь нашла приют в подвале дома, но потом, боясь, что в отместку фашисты убьют старого поля-ка вместе с его малолетними внуками, покинула дом... здесь взорвала себя и окруживших ее карателей последней грана-той... Ничего этого нет в нашем фильме. Но без знания обстоя-тельств гибели Ани мы не смо-гли бы приблизиться к ее обра-зу. В них — ключ к рассказу о ее жизни.

Для всех нас источником большого гражданского удов-летворения явилось присвоение Ане Морозовой звания Героя Советского Союза, награждение орденами Константина Поваро-ва, Ивана Алдюхова...

Вскоре мне выпала честь присутствовать на открытии в Сеще памятника героям подпо-лья. Я смотрел, как замерли у Вечного огня генералы И. Фе-дюнинский и А. Горбатов, уро-

женец Брянщины поэт Н. Гри-бачев, офицер Войска Польско-го Ян Тыма, представители по-сольств социалистических стран, и думал: как все-таки много могут сделать телевиде-ние и кинематограф, чтобы ни-кто из героев не был забыт, а подвиги их остались в памяти.

РОДНЫЕ, близкие нам люди, герои наших фильмов! Не хватит места, что-бы рассказать о всех, с кем свела нас судьба в работе над фильмами. И хотя в другом многосерийном фильме «Опера-ция «Трест» речь идет о два-дцатых годах, судьбы некото-рых героев произведения уходят дальше — в годы Великой Отечественной и в наши дни.

Это было в ноябре прошлого года. Мы, участники советско-польского фильма «Помни имя свое», ехали на встречу со зри-телями по дорогам Люблинско-го воеводства. Сопровождавший нас Марек Обара рассказывал: «Здесь проходило одно из са-мых кровопролитных сражений партизан с фашистами во вто-рой мировой войне. Им руково-дил Николай Прокопук. Его имя знает здесь каждый школьник. Ведь он Герой Со-ветского Союза!.. Чему вы улы-баетесь?». Как же не знать нам этого замечательного челове-ка? Ведь он был консультан-том фильма «Операция «Трест»...

Николай Архипович — пред-ставитель поколения чекистов, о котором мы рассказывали в этом фильме. Вступив в орга-ны ВЧК в 1921 году, он немало лет провел на советско-поль-ской границе и потому знал об-становку, атмосферу, детали, важные для понимания и рас-крытия обстоятельств нашего фильма. В дальнейшем Проко-пук участвовал в борьбе испанского народа, а затем парти-занил, в том числе и здесь, на польской земле. Его опыт, историческая эрудиция и то-чность исследователя помогли нам изучить и осмыслить столь сложную чекистскую разра-ботку, которой являлась опера-ция «Трест». С чувством го-речи пишу я эти строки: сейчас Николая Архиповича нет среди нас, но жизнь его остается не-меркнувшей легендой.

И еще один герой, жизнь ко-торого прошла через гражда-нскую войну, участие в опера-ции «Трест» и многолетнюю службу в Красной Армии. Я имею в виду яркую фигуру Ивана Михайловича Петрова. К моменту работы над филь-мом Петров был единственным из оставшихся в живых участ-ником операции. Кадровый офи-цер, он, после многих ранений и исключительной по трудно-сти и пережитым бурям жиз-ни, вышел в отставку. Однако выход романа-хроники Л. Ни-кулина «Мертвая зыбь» пере-вернул всю его жизнь. Эта кни-га вернула красному команди-ру и коммунисту, жившему в течение 38 лет под чужой фа-милией, его имя Тойво Вяхя.

В середине 20-х годов, в ин-тересах успешного проведения операции «Трест», молодой ко-мандир-пограничник должен был войти в доверие к контр-революционерам, прикинуться предателем и держать «окно» на границе для прохода аген-тов контрреволюции (под над-

зором ОГПУ) через границу. Два года вел Вяхя эту страш-ную игру со смертью. А закон-чилось это переходом через гра-ницу Сиднея Рейли, о котором недавно сын посла-шпиона Локкарта написал книгу «Ас-реди шпионов». Так вот, это-го Рейли 25-летний краском, финн-коммунист Тойво Вяхя перевел через границу и сдал на руки советским чекистам. Затем «предатель» Вяхя был «арестован» и, по слухам, «рас-стрелян». На самом деле М. В. Фрунзе подписал приказ о на-граждении Т. Вяхя орденом Красного Знамени и ему были выданы новые документы на имя И. М. Петрова.

Иногда командиры и полит-работники частей, в которых служил в годы войны полков-ник И. М. Петров, в довери-тельной беседе интересовались: откуда у Ивана Михайловича такой финский акцент? А если он финн, то почему Петров?.. Не мог на это ответить Иван Михайлович, отшучивался... Если бы они только знали, кто с ними воюет рядом! Можно ли придумать легенду драматич-нее и прекраснее подлинной жизни Тойво Вяхя — И. М. Петрова! Недавно Иван Ми-хайлович написал воспомина-ния «Красные финны». До-стать книгу невозможно...

Я ПЕРЕЛИСТЫВАЮ днев-ники. Работа над филь-мом «Помни имя свое» продол-жалась почти девять лет. В пол-тора часа экранного времени стремились мы спрессовать главное из сотен страни вос-поминаний, документов, встреч с людьми. Тот, кто видел кар-тину, наверно, помнит седого сотрудника в кинозале Освен-цимского музея. Это и есть Та-деуш Шиманьский. Он был узником Освенцима в течение четырех лет. Казалось: кончит-ся война, и надо уехать куда глаза глядят, только бы не вспоминать о кошмаре лагеря, в котором погибло 4 миллиона человек! Но в 1946 году Ши-маньский возвращается в город Освенцим и становится одним из организаторов музея, кото-рый по решению польского правительства должен «навечно стать памятником мученичества и борьбы польского народа и других народов». Много лет Шиманьский искал родителей освенцимских детей. Поэтому Н. Т. Цветкова и связалась с ним. Сегодня Шиманьский в своих выступлениях в Польше и за ее рубежами неутомимо напоминает: «Буржуазная про-паганда часто пишет о том, что жертвы Освенцима — пропаган-дистская выдумка. Нам надо неустанно рассказывать об Ос-венциме, о лагерях смерти. Фа-шизм не должен подняться!..».

Мой друг и соавтор по сце-нарию — Януш Красиньский... Ему было шестнадцать лет, когда он участвовал в Варшав-ском восстании. После пораже-ния восстания мать ищет его по сборным пунктам. Узнает, где он, и приходит к охране. «Хочу к сыну», — говорит она эсэсовцам. — Он еще ребенок, и я должна быть с ним». Вместе с сыном ее привозят в Освен-цим. Разделенная руками мате-ри пополам буханка хлеба — это последнее, что помнит Януш о матери. Больше он не видел ее. Никогда!.. И Януш Красиньский пишет о войне, о фашизме, о материнском по-двиге — это его долг.

Это долг всех нас — писате-лей, кинематографистов, акте-ров, всех творческих работни-ков кино, телевидения, театра.

Наш долг — увековечить По-двиг, пока еще живет среди нас поколение героев, участников и свидетелей тех незабываемых лет.